

УДК 008:793.38

DOI <https://doi.org/10.24919/2308-4863.1/33.215702>**Оксана ЗАХАРОВА,***orcid.org/0000-0002-2143-7020*доктор исторических наук, профессор,
независимый исследователь(Прилуки, Черниговская область, Украина) *iripatak67@ukr.net***ПРОТОКОЛЬНЫЙ КОСТЮМ: ИДЕОЛОГИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА**

Проблема исследования определяется как недостаточной изученностью советского дипломатического протокола, так и тем, что знания закономерностей функционирования последнего расширяют наши представления о внутренней политике и культуре эпохи, о синтезе искусств в дипломатических церемониях, во время проведения которых главная роль отводится невербальному языку общения – языку жеста, взгляда, костюма.

Цель исследования – изучение социально-художественной функции протокольного костюма с применением методов исторического, историографического, источниковедческого и искусствоведческого анализов. Научная новизна исследования состоит в рассмотрении истории протокольного костюма в связи с политическими процессами, происходившими в советском обществе в 20–30-е гг. XX ст.

Методологической основой работы является принцип историзма, который понимается автором как системный подход к анализу исторических и культурных событий, фактов и явлений на основе рассмотрения всех доступных исследователю исторических источников и литературы.

В результате исследования автор пришел к выводу, что протокольный костюм является своеобразным выразителем социальных и художественных идей, а также моральных ценностей представителей государственной элиты.

Человек предстаёт перед другими людьми в совокупности своих внутренних и внешних свойств. Способы оформления внешности – важные сигналы, знаки личности. При этом одежда является своеобразной визитной карточкой человека, она несёт информацию об официальном статусе владельца, его вкусах, чертах характера. Костюм в первую очередь привлекает к себе взоры окружающих, вызывая соответствующие эмоции и, как следствие, формируя определённое отношение.

Отношение к дипломату напрямую связано с восприятием страны, которую он представляет. В выборе костюма личные пристрастия дипломатического сотрудника уступают место политической целесообразности.

Ключевые слова: искусство дипломатии, международные отношения, протокольный костюм, дипломатическая форма, история моды, имидж государства, культурная дипломатия.

Оксана ЗАХАРОВА,*orcid.org/0000-0002-2143-7020*доктор історичних наук, професор,
незалежний дослідник(Прилуки, Чернігівська область, Україна) *iripatak67@ukr.net***ПРОТОКОЛЬНИЙ КОСТЮМ: ІДЕОЛОГІЯ, ПОЛІТИКА, КУЛЬТУРА**

Актуальність дослідження визначається як недостатньою вивченістю радянського дипломатичного протоколу, так і тим, що знання закономірностей функціонування останнього розширює наші уявлення про внутрішню політику і культуру епохи, про синтез мистецтв у дипломатичних церемоніалах, під час проведення яких головна роль відводиться невербальній мові спілкування – мові жесту, погляду, костюму.

Мета дослідження – вивчення соціально-художньої функції протокольного костюму із застосуванням методів історичного, історіографічного, джерелознавчого та мистецтвознавчого аналізу.

Наукова новизна дослідження полягає в розгляді історії протокольного костюму у зв'язку з політичними процесами, що відбувалися в радянському суспільстві у 20–30-ті рр. XX ст.

Методологічною основою роботи є принцип історизму, який розуміється автором як системний підхід до аналізу історичних і культурних подій, фактів і явищ на основі розгляду всіх доступних досліднику історичних джерел і літератури.

Автор дійшов висновку, що протокольний костюм є своєрідним виразником соціальних і художніх ідей, а також моральних цінностей представників державної еліти.

Людина постає перед іншими людьми в сукупності своїх внутрішніх і зовнішніх властивостей. Способи оформлення зовнішності – важливі сигнали, знаки особистості. Одяг є своєрідною візитною карткою людини, він несе інформацію про офіційний статус власника, його смаки, риси характеру. Костюм насамперед привертає до себе погляди оточуючих, викликаючи відповідні емоції, та, як наслідок, формує певне ставлення.

Ставлення до дипломата безпосередньо пов'язане зі сприйняттям країни, яку він представляє. У виборі костюму особисті уподобання дипломатичного співробітника поступають місцем політичній доцільності.

Ключові слова: мистецтво дипломатії, міжнародні відносини, протокольний костюм, дипломатична форма, історія моди, імідж держави, культурна дипломатія.

Oksana ZAKHAROVA,
orcid.org/0000-0002-2143-7020
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Independent Researcher
(Priluki, Chernihiv region, Ukraine) irinamak67@ukr.net

PROTOCOL SUIT: IDEOLOGY, POLICY, CULTURE

The relevance of the study is determined by the insufficient knowledge of the Soviet diplomatic protocol and some facts. One of them is that knowledge of the laws governing the functioning of the diplomatic protocol broadens our ideas about the domestic politics and culture of the era and synthesis of arts in diplomatic ceremonies. During the diplomatic protocol, the main role is given to the non-verbal language of communication: the language of gesture, look, and costume.

The main objective of the study is to study the socio-artistic function of the protocol costume. The author used the methods of historical, historiographic, source study and arthistory analysis.

The scientific novelty of the study consists in examining the history of the protocol costume in connection with the political processes that took place in Soviet society in the 1920s and 1930s.

The methodological basis of the work is the principle of historicism. It means a systematic approach to the analysis of historical and cultural events, facts and phenomena, based on the consideration of all historical sources and literature available to the researcher.

As a result of the study, the author came to the conclusion that the protocolsuits is a kind of spokesman for social and artistic ideas. This is as moral values of representatives of the state elite.

People appear before other people in the aggregate of their internal and external properties. Ways to design appearance are important signals, which signs of personality. At the same time, clothes are a kind of visiting card of a person. It carries information about the official status of the owner, his tastes and personality traits. The suit primarily attracts the eyes of others. It causes the corresponding emotions and, as a result, formes a certain attitude.

The attitude to the diplomatis directly related to the perception of the country here presents. In choosing a suit, the personal attachment of a diplomatic officeris giving way to political expediency.

Key words: art of diplomacy, international relations, protocol costume, diplomatic uniform, fashion history, state image, cultural diplomacy.

Постановка проблеми. В истории имперских государств попытки регламентации властью быта и поведения подданных особенно наглядно проявились в сфере моды. Язык костюма подчеркивал социальный статус владельца, говорил о его художественном вкусе, но прежде всего он уравновешивал в своих правах этические принципы.

В отличие от бытового, церемониальное поведение, в т. ч. на дипломатических церемониях, обладает максимальной знаковостью, оно требует использования специальных приемов для выявления и обыгрывания статуса партнеров в процессе общения. Во время общения человек является прежде всего представителем класса, общественной группы. Его социально-общественное положение диктует язык церемониального поведения. Нарушение этих правил – вызов общественной морали, подрыв нравственных устоев общества.

Символика может являться средством передачи информации. Для получения и понимания этой информации адресаты должны знать значение символов.

На примере эволюции советского протокольного костюма автор исследует методы, с помощью которых сотрудники Протокольного отдела Народного комиссариата иностранных дел пытались «примирить» правила европейского дипломатического этикета с нормами советской идеологии.

Проблема исследования определяется как недостаточной изученностью советского дипломатического протокола, так и тем, что знания закономерностей функционирования последнего расширяет наши представления о внутренней политике и культуре эпохи, о синтезе искусств в дипломатических церемониалах, во время проведения которых главная роль отводится невербальному языку общения – языку жеста, взгляда, костюма.

Анализ исследований. В Украине и за рубежом нам неизвестно опубликованное исследование, целиком посвященное социально-художественной функции моды на примере протокольного костюма.

История протокольного советского костюма изложена в отдельной главе монографии П.Ф. Лядова (Лядов, 2004: 139–147).

Для полноты освящения проблемы автор использовал Документы Архива внешней политики РФ (АВП РФ), многие из которых впервые вводятся в научный оборот.

Особый интерес с точки зрения изучения культурных аспектов советского протокола представляют Дневники заведующих Протокольным отделом Д.Т. Флоринского и В.Н. Баркова, которые содержат ценные сведения о дипломатической жизни Москвы в 20–30-е гг. XX ст., о взаимодействии искусств на дипломатических церемониалах.

С учетом отсутствия в отечественной историографии специального исследования, посвященного проблеме, автор поставил **цель** – на основе анализа и обобщения новых фактов с привлечением впервые вводимых в научный оборот архивных материалов изучить социально-художественные функции протокольного костюма.

В соответствии с целевой установкой возникает необходимость решения следующих задач:

- показать влияние советской идеологии на дипломатический протокол;
- изучить взаимодействие искусств на дипломатических приемах;
- исследовать невербальный язык общения участников дипломатических церемониалов.

Под костюмом мы понимаем созданный с помощью отдельных предметов гардероба образ. Костюм способен влиять на стиль поведения и даже на образ мыслей человека.

Советский дипломат, впрочем, как и каждый гражданин СССР, – это борец за победу коммунистических идей во всем мире. Но «передать» с помощью костюма коллегам из других стран основные догмы марксистского учения – проблема трудная и практически невыполнимая.

Пётр I «передел» российскую элиту в европейский костюм, но советская элита не могла носить допетровский посольский наряд, который, как и вся «знаковая система» московского царства, был связан с идеями православия, незыблемости и вековечности царской власти.

Для иностранцев человек в «кожанке» – это «товарищ», который уверен, что «революция – локомотив истории», а следовательно, «цель оправдывает средства». Вести переговоры с личностями, вооруженными такими идеями, не просто бесполезно, но и небезопасно.

Фрак и смокинг – «одежда буржуев», она неприемлема для советского дипломата. Перед сотрудниками Протокольного отдела НКВД была поставлена, казалось бы, невыполнимая задача – «примирить» нормы европейского дипломатического протокола с «нормами» советской идеологии.

С этой задачей успешно справился глава советского протокола Дмитрий Тимофеевич Флоринский, утвердивший 29 марта 1923 г. «Краткую инструкцию о соблюдении правил принятого в буржуазном обществе этикета».

Особое внимание уделяется в инструкции внешнему виду советского дипломата. Днём на все официальные мероприятия следовало являться в жакете, воротничок сорочки «крахмальный», галстук тёмный, ботинки чёрные. Фрак можно было надеть днём только для вручения верительных грамот, если этого требовали правила другой стороны. Однако даже в этом случае рекомендовалось заменить фрак жакетом. Цилиндр допускался, на траурных церемониях – чёрный галстук.

На вечерние приёмы разрешалось надевать фрак или смокинг, но предпочтение отдавалось смокингу как более «простому» виду одежды. При фраке белый галстук, белый пикейный жилет, запонки перламутровые, без цветных камней, ботинки или туфли чёрные, желателен лакированные.

Смокинг требовал чёрный галстук, чёрный или белый жилет, запонки и обувь такие же, как при ношении фрака.

В соответствии с приказом Реввоенсовета, военные и морские агенты на официальных приёмах могли появляться в форме (Флоринский, 1923: 25).

«Инструкция...» 1923 г. разрешала советским дипломатам ношение цилиндра в торжественных случаях. В то же время на политических плакатах весьма упитанные буржуа изображались чаще всего во фраках и цилиндрах. Но фрак для многих граждан ассоциировался не только с буржуями. Фрак – это ещё и сценический костюм. Таким образом цилиндр оставался наиболее заметным символом буржуазного общества.

Г.В. Чичерин, чтобы избежать подобной двусмысленности, предлагает причислить Д.Т. Флоринского к какой-либо войсковой части, что давало возможность без нарушения протокола появляться на официальных мероприятиях в форме.

В ноябре 1924 г. начальник Штаба РККА П.П. Лебедев уведомил наркоминдел о зачислении заведующего протокольной частью НКВД Флоринского в резерв при Штабе РККА. «Злосчастный» цилиндр был оправлен в отставку.

Как справедливо отмечает П.Ф. Лядов (Лядов, 2004: 142): «Таким образом в косвенном виде была предпринята первая попытка возродить идею о форменной одежде в советском дипломатическом ведомстве».

Почти одновременно с выходом «Краткой инструкции о соблюдении правил принятого

в буржуазном обществе этикета» Флоринский утверждает ещё один важный и по-своему уникальный документ в истории советского протокола «Церемониал для жен дипсостава...», в котором настоятельно не рекомендуется женам дипломатических работников «увлекаться светской жизнью, но ограничиваться лишь необходимыми выездами на официальные приёмы».

Туалет жен советских дипломатов должен отличаться скромностью и простотой. «Ношение драгоценностей и эгретов недопустимо» (Флоринский, 1923: 26). Для дневных визитов рекомендуется строгий «тайлер», а для обедов и вечерних приёмов – строгое декольтированное платье. По мнению Флоринского, одно и то же платье – это та же «прозодежда», которая, как и фрак, может носиться на все без исключения приёмы, «и нет никакой надобности в нескольких платьях» (Флоринский, 1923: 26об). (При вечернем платье шляпа не носится).

Термином «прозодежда» в 20–30-е гг. называли протокольную одежду (визитку смокинг, фрак, вечернее длинное платье), которую приходилось надевать советским дипломатам и их женам.

Насколько серьёзно в Советском Союзе относились к протокольной одежде на официальных приёмах, свидетельствует переписка Полпреда в Осло А.М. Макарас Протокольным отделом НКВД в конце сентября – начале октября 1927 г.

Собираясь приехать в Москву, А.М. Макарас просит сообщить ему, «какую из спецодежды лучше всего взять с собой в Москву», где ему, вероятно, «придётся бывать у диппублики по различным поводам». В своём обращении в НКВД он сообщает, что в Италии «мы почти не пользовались визиткой», а в Осло на официальных приёмах принят фрак. Макарас был уверен, что в Москве «всё сильно упрощено» и просит информировать его «о необходимом минимуме».

В отдельном послании в Осло заместитель заведующего Протокольным отделом Соколин даёт советскому дипломату очень чёткие рекомендации по вопросу выбора протокольной одежды. Он советует взять в Москву «все разновидности нашей спецодежды. На дневных приёмах мы бываем либо в пиджаках, либо, чаще, в визитках».

Смокинг нужен для обедов без дам.

Фрак необходим для вечерних больших приёмов и обедов с дамами. Поэтому необходимым минимумом, о котором вы пишете, оказываются все перечисленные виды одеяний».

Таким образом, Соколин деликатно, но весьма твёрдо даёт понять Макарасу, что он ошибается, полагая, что в СССР соблюдаются «кое-какие

нормы» в вопросе протокольной одежды (Соколин, 1927: 31–32).

Супруги дипломатов, аккредитованных в Москве, одевались весьма эффектно и не всегда следовали принятым нормам протокола.

15 января 1928 г. Флоринский отметил «превосходный, тонкий обед» в Датской Миссии, а также наряд супруги посла Италии мадам Черрути, надевшей для встречи с Наркомом «весьма пышный туалет. Даже её муж с неизменным фашистским значком был в этот вечер оживлённее и менее замкнут, чем обычно» (Флоринский, 1928: 7).

Костюм посла Италии демонстрировал его нравственные ценности, которые, впрочем, уже давно были известны членам Дипкорпуса и лично Д.Т. Флоринскому, который в 1928 г. во время визита Амануллы-хана был вынужден вступить в дискуссию с господином Черрути о внешнем виде приглашенных на приём в честь Падишаха.

На приёме по решению советской стороны все должны были быть «в пиджаках». Это «упрощение» вызвало негодование некоторых глав миссий. Следует отметить, что ещё при получении от Флоринского извещения о приёме у председателя ЦИК СССР итальянский посол спросил его, правильно ли он понял, что приём будет в пиджаках, «нет ли в этом ошибки», на что Флоринский ответил, что советское правительство не признаёт другой формы одежды и каждая страна имеет свой обычай. «Вы потребовали бы от нас, чтобы мы явились ещё в ночных рубашках, приличные люди привыкли вечером одеваться», – заметил Черрути. Флоринский возразил (Флоринский, 1928: 14), что «приличие» есть понятие относительное, его дело было указать форму одежды, в которой будут хозяева, посол может поступать как ему угодно – являться во фраке или в ночной сорочке. В результате Черрути пришел в пиджаке.

В 1929 г. в приглашениях на дипломатические приёмы в обязательном порядке указывался вид протокольной одежды для членов коллегии и заведующим отделами НКВД.

На вечерних приёмах требовалось быть во фраке или смокинге, на дневных – в жакете или тёмном пиджаке.

В январе 1930 г. М.М. Литвинов получает из Полномочного представительства в Германии сообщение (с грифом «секретно»), в котором товарищ Бродский (Бродский, 1930: 1–2) рассуждает о дипломатических мундирах для советских дипломатов. В частности, он пишет, что дипломаты за границей кроме фраков также имеют мундиры, которые надевают в особо торжественных слу-

чаях, например, на приёмах у президента. Поэтому появление в мундирах советских дипломатов, когда все остальные во фраках, будет означать придание особой значимости данному приёму, в других случаях наших дипломатов будут принимать за слуг. Бродский подчёркивает в своём обращении, что ношение фраков – традиция, введение мундиров будет воспринято как политическая демонстрация. Автор поддерживает Литвинова в его позиции, что советский дипломат «должен отличаться во внешнем виде своей скромностью. А скромностью будет – не выделяться из окружающей среды».

С мнением Бродского не согласен И.М. Майский, который писал из Лондона в коллегия НКВД 28 января 1930 г., что, по его мнению, дипломатическая форма «должна возможно ближе подходить к военной или полувоенной», потому что военный костюм «чрезвычайно удобен, а в то же время прост и красив», а также «приближающаяся к военному и полувоенному костюму форма будет символизировать тот факт, что наша война, война с капиталистическим миром, война за мировую пролетарскую революцию еще не кончена <...>» (Лядов, 2004: 143–144).

В изданном НКВД в 1938 г. так называемом «Пособии к сдаче техминимума» содержится приложение «Одежда и порядок её ношения»: «Обычным повседневным костюмом дипломата является тёмный пиджак (летом возможен светлый).

Вечером носят фрак или смокинг. Фрак надевается на обеды с участием дам и на большие вечерние приёмы».

Подчёркивалось, что одежда дипломата должна быть скромной по внешнему виду и абсолютно аккуратной. «Спортивные костюмы (для гольфа, верховой езды и т. п.) не должны служить повседневной одеждой. Платья крикливых фасонов, а равно всякого рода бросающиеся в глаза куртки, жилетки и джемперы не должны носиться» (Лядов, 2004: 138–139).

В конце 30-х гг. германские дипломаты проявляли по отношению к советским коллегам безукоризненную вежливость, были тактичны и с пониманием относились к проблемам формирования советского протокола.

Так, 21 ноября 1939 г. Барков принял I-ого секретаря Германского посольства господина Вальтера, который продолжил обсуждение выбора костюма для официальных приёмов, начатую на обеде у германского посла. Вальтер спросил у Баркова, какие пожелания будут у НКВД относительно костюма для членов дипкорпуса, то есть какой вид одежды предпочитает совет-

ская сторона – фрак или пиджак. Затем немецкий дипломат уточнил свой вопрос – не желает ли НКВД, чтобы иностранные дипломаты были во фраках, а советские – в пиджаках. На последний вопрос Барков дал отрицательный ответ (Барков, 1939: 76).

Через несколько дней во время очередного визита к заведующему Протокольным отделом Вальтер сообщил, что посол известил всех, что он сам будет в пиджаке. При этом немецкий дипломат обратил внимание коллеги на трудности, которые не могут не возникнуть при отмене фрака в случае, когда приглашаются представители НКВД.

В частности, это касалось внешнего вида дам, некоторые из которых не желали надевать длинное платье, если мужчины будут в пиджаках, решив, что дамы в этом случае должны надевать короткие платья (что вызывало недовольство многих дам посольства). Барков ответил (Барков, 1939: 76об), что есть решение руководства, что «мы одеваем пиджак на обеде, о чём мы довели до сведения. Что касается формы одежды для членов дипломатического корпуса, то корпус сам должен принять соответствующее решение. При этом высказал мнение, что, конечно, желательно, в случае, если мы в пиджаках, чтобы другие члены Дипкорпуса были одеты так же. Однако последний вопрос должен быть решен самим корпусом».

По мнению I-ого секретаря германского посольства господина Вальтера, дамы дипкорпуса в Москве одеваются лучше, чем дамы дипкорпусов в других странах. «В Москве деньги не на что расходовать, ставки у дипломатов повышенные, поэтому дамы, отправляясь летом за границу, заказывают на целый сезон платья» (Барков, 1939: 75). Вальтер в «добродушно-ироничном тоне» высказал Баркову опасение дам дипкорпуса, что теперь они не смогут надеть специально заготовленные парадные платья, так как мужчины будут в пиджаках. В ответ на это Барков заметил (Барков, 1939: 75), что дамы могут надевать на приёмы и обеды любые платья.

28 ноября 1939 г. на обеде у германского посла приглашенные с советской стороны были в пиджаках, представители дипкорпуса – во фраках, дамы – в вечерних туалетах. «Г-н Шуленбург с удовлетворением отметил, что благодаря г-ну Потёмкину проблема костюма наконец разрешена вполне удовлетворительно – можно теперь быть спокойным за умонастроение дамской части корпуса <...>», – заметил в дневнике заведующий Протокольным отделом (Барков, 1939: 77).

В декабре 1939 г. немецкие дипломаты по-прежнему являются одними из самых актив-

ных участников дипломатической жизни в столице СССР. 19 декабря на приёме в ВОКСе присутствовали члены немецкого посольства и немецкие корреспонденты. «Немцы остались очень довольны приёмом, ушли из ВОКСа очень поздно (некоторые – около половины третьего)» (Барков, 1939: 88).

В 1939 г. состоялось важное событие, касающееся истории дипломатического протокольного костюма. В конце года фрак как официальная протокольная одежда сотрудников НКВД на приёмах с участием Дипкорпуса был формально отменён коллегией. Заведующий протокольным отделом В.Н. Барков, поблагодарив за приглашение на обед, сообщил послу Германии, что с советской стороны все будут в пиджачном костюме (Лядов, 2004: 139–140).

Несмотря на всю подготовительную работу, решение о введении форменной одежды для дипломатов было отложено до 1943 г.

Приказом по Наркомату (№ 213 от 7 октября 1943 г.) переход на обязательное ношение форменной одежды был введён с 1 ноября 1943 г. Контроль за правильным ношением дипломатической формы возлагался на Протокольный отдел НКВД.

Повседневная форма должна была носиться за границей только на территории и в помещениях посольства. Парадная форма могла надеваться на внепосольской территории, если это отвечало протокольным нормам страны пребывания (Лядов, 2004: 145–146).

В специальной инструкции содержались правила ношения форменной одежды, которая обязывала к «более строгому соблюдению общепринятых правил поведения на улицах, в общественных местах, при пользовании городским транспортом и т. д.». Шинель, пиджак должны быть застёгнуты на все пуговицы, обязательно белая сорочка, чистый воротничок, брюки разглажены, ботинки вычищены.

Запрещалось появляться в форменной одежде «на рынках, толкучках и тому подобных местах, а также на улице с громоздкими мешками, узлами и т. д.», запрещалось брать с собой зонт (Лядов, 2004: 147).

В 1954 г. форменная одежда для дипломатических сотрудников МИД СССР была отменена, парадные мундиры были сохранены для чрезвычайных и полномочных послов и посланников первого и второго классов.

Выводы. В советский период тщательным образом разрабатывались детали государственных и военных церемониалов. Практически каждый церемониал был своеобразной художественной иллюстрацией этических норм, принятых в социалистическом обществе. Как и в дореволюционный период, большое значение отводилось невербальным средствам общения: жесту, языку костюма, музыкальному сопровождению.

Смена форм правления всегда влечет за собой введение новых церемоний и наполнение новым идеологическим содержанием общепринятых старых форм.

В 20–30-е гг. борьба в СССР против фрака и цилиндра – это борьба против буржуазной этики и как следствие – борьба против норм западноевропейского этикета. Для советского дипломата протокольный костюм – это своего рода военная форма, в которой он борется за мировую пролетарскую революцию. Конец 30-х гг. прошел под знаком дружбы СССР и Германии, о чем красноречиво свидетельствует язык дипломатического протокола. Немецкие дипломаты одни из самых активных участников дипломатической жизни СССР.

Человек предстаёт перед другими людьми в совокупности своих внутренних и внешних свойств. Способы оформления внешности – важные сигналы, знаки личности. При этом одежда является своеобразной визитной карточкой человека, она несёт информацию об официальном статусе владельца, его вкусах, чертах характера. Костюм в первую очередь привлекает к себе взоры окружающих, вызывая соответствующие эмоции и, как следствие, формируя определённое отношение.

Отношение к дипломату напрямую связано с восприятием страны, которую он представляет. В выборе костюма личные пристрастия дипломатического сотрудника уступают место политической целесообразности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Барков В.Н. Дневник. 1939. Москва. АВП РФ. Ф. 57. Оп. 19. П. 113. Д. 1. Л. 75–79, 88–89.
2. Бродский. Письмо М.М. Литвинову. 1930. Москва. АВП РФ. Ф. 057. Оп. 10. П. 109. Д. 4. Л. 1–2.
3. Литвинов М.М. Записка в СНК СССР. 1930. Москва. АВП РФ. Ф. 057. Оп. 10. П. 109. Д. 4. Л. 3.
4. Лядов П.Ф. История Российского протокола. Москва, 2004. С. 142.
5. Соколин. Послание в Осло А.М. Макару. 1927. Москва. АВП РФ. Ф. 057. Оп. 7. П. 104. Д. 4. Л. 31–32.
6. Флоринский Д.Т. Дневник. 1928. Москва. АВП РФ. Ф. 057. Оп. 8. П. 105. Д. 1. Л. 7.
7. Флоринский Д.Т. Запись беседы с итальянским послом Черрути. 1928. Москва. АВП РФ. Ф. 057. Оп. 8. П. 106. Д. 9. Л. 14.

8. Флоринский Д.Т. Краткая инструкция о соблюдении принятого в буржуазном обществе этикета. 1923. Москва. АВП РФ. Ф. 057. Оп. 3. П. 101. Д. 1. Л. 25.
9. Флоринский Д.Т. Церемониал для жен дипсостава. 1923. Москва. АВП РФ. Ф. 057. Оп. 3. П. 101. Д. 1. Л. 26, 26 об.

REFERENCES

1. Barkov, V.N. (1939) Dnevnik [Diery]. AVP RF. F. 57. Op. 19. P. 113. D. 1. L. 75–79, 88–89. Moscow. [in Russian].
2. Brodskiy. (1930) Pismo M.M. Litvinovu [Massege to M.M. Litvinov]. AVP RF. F. 057. Op. 10. P. 109. D. 4. L. 1–2. Moscow. [in Russian].
3. Litvinov, M.M. (1930). Zapiska v SNK SSSR [A note to the SNK of the USSR]. AVP RF. F. 057. Op. 10. P. 109. D. 4. L. 3. Moscow. [in Russian].
4. Lyadov, P.F. (2004). Istoriya Rossiyskogo protokola [History of the Russian Protocol]. Moscow. [in Russian].
5. Sokolin. (1927). Poslanie v Oslo A.M. Makaru [Message to Oslo A.M. Makaru]. AVP RF. F. 057. Op. 7. P. 104. D. 4. L. 31–32. Moscow. [in Russian].
6. Florinskiy, D.T. (1928). Dnevnik [Diery]. AVP RF. F. 057. Op. 8. P. 105. D. 1. L. 7. Moscow. [in Russian].
7. Florinskiy, D.T. (1928). Zapisbesedy s italyanskim poslom Cherruti [Recording a conversation with the Italian ambassador Cherruti]. AVP RF. F. 057. Op. 8. P. 106. D. 9. L. 14. Moscow. [in Russian].
8. Florinskiy, D.T. (1923). Kratkaya instruktsiya o soblyudenii prinyatogo v burzhuaznom obschestve etiketa [Brief instruction about observance of etiquette accepted in bourgeois society]. AVP RF. F. 057. Op. 3. P. 101. D. 1. L. 25. Moscow. [in Russian].
9. Florinskiy, D.T. (1923). Tseremonial dlya zhen dipsostava [Ceremonial for the wives of the diplomatic staff]. AVP RF. F. 057. Op. 3. P. 101. D. 1. L. 26, 26 ob. Moscow. [in Russian].